

форма **С + творительный падеж** указывает на состояние, которое лишь сопровождает действие отходит с **содроганием**.

В романе Пушкина можно наблюдать явление контаминации, то есть наложения двух смыслов в пределах одной языковой единицы. Например, модальности (образа действия) и эквативности (отношения соответствия) «И человека растянуть /Он позволяя – не как-нибудь, /Но в строгих правилах искусства, /По всем преданьям старины». Как видно, форма **В + предложный падеж** выступает синонимом к **форме ПО + дательный падеж** (ср. в правилах – по правилам, по преданьям – то есть в соответствии с правилами, преданьями). На отношение модальности могут накладываться причинно-следственные отношения «И в одиночестве жестоко жести /Сильнее страсть ее горит, /И об Онегине далеко /Ей сердце громче говорит». Предложно-падежная форма в данном случае указывает на состояние героини и на причину сильной страсти.

Пушкин активно вовлекает предложно-падежные формы в русский синтаксис, демонстрируя их богатые смысловые возможности.

Примечания

- 1 Баевский В С Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина // Филол науки 1997 № 2 С 22
- 2 А С Пушкин в воспоминаниях современников М., 1974 Т 1 С 21
- 3 Акимов Г Н Новое в синтаксисе современного русского языка М 1990 С 8
- 4 Валеева Н С Пути вхождения разговорных конструкций в письменную речь // Филол науки 1997 № 6 С 23
- 5 Там же С 29
- 6 Пушкин А С Полн собр соч В 10 т М., Л., 1949 Т 10 С 153
- 7 Шишков А С Рассуждения о старом и новом слоге в русском языке СПб., 1803 С 203–204
- 8 Акимов Г Н Новое в русском синтаксисе М., 1995, Разговорная речь в системе функциональных стилей русского языка Грамматика Саратов, 1992.
- 9 Виноградов В В Русский язык, М., 1972 С 538
- 10 О стилистических и смысловых различиях синтетических и аналитических конструкций см Краченко Н П Развитие аналитизма в грамматическом строе русского языка // Филология – Philologica 1995 № 8 С 32–36
- 11 Все дефиниции предлогов даны по Словарию русского языка С И Ожегова М., 1988

Л.А. Исаева, В.В. Катермина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ А.С.ПУШКИНА: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ

В последнее время все чаще предметом лингвистических исследований становится изучение целей и задач языковой деятельности человека (см., например, понимание Ю.С. Степановым истории лингвистической науки как смены различных парадигм, в результате которой семантическая парадигма, или философия имени, сменилась синтаксической парадигмой, или философией предиката, и, наконец, на смену им пришел иной подход – прагматическая парадигма, т.е. философия эгоцентрических слов [1]). Языковая деятельность в значительной мере осуществляется через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты. Лингвистика текста, таким образом, приобретает статус науки, связывающей исследования языка с анализом социального взаимодействия, с психологией личности. Личность и языковая личность – не тождественные, не изометричные понятия, но одна познается через другую [2].

При анализе художественного текста одним из возможных способов проникновения в его глубинное содержание (подтекст) становится изучение языковой личности

его создателя. Понятие языковой личности известно в русистике по трудам В. В. Виноградова о языке художественной литературы, а в мировой науке связывается прежде всего с именем Л. Вайсгерберга. Значительные успехи в исследовании проблем языковой личности в русском языкознании последнего десятилетия достигнуты Ю. Н. Карауловым, который обратил внимание на не требующее доказательств положение за всяким текстом стоит языковая личность Ю. Н. Караулов в структуре языковой личности выделяет три уровня: вербально-семантический, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком; когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей, и прагматический, заключающий цели, мотивы, интересы и интенциональности [3]. То есть языковая личность характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке. Кроме того, говорящий создает свою собственную языковую картину мира, которая становится основой разнообразных авторских приращений значений языковых единиц – “значений говорящего”. Положение о создании “значений говорящего” особенно актуально, когда речь идет о творце художественного текста – большом художнике, который чувствует “странный смысл слов” (Ю. Тынянов) и строит на основе этих “колеблющихся”, “мерцающих” значений слововую основу текста.

Исследование особенностей языковой личности А. С. Пушкина – задача до настоящего времени не решенная, вместе с тем обращение к этой проблеме представляется научно продуктивным как в плане более глубокого проникновения в смысл его текстов, так и в аспекте изучения теоретических вопросов языковой личности на примере исследования гениального носителя русского языка и русской культуры, лучшего из возможных “частных случаев”. Если опираться на концепцию лингвистической персонологии, предложенную В. П. Нерознаком [4], в соответствии с которой противопоставляются полилектная и идиолектная личности, то изучение языковой личности Пушкина позволит рассмотреть нестандартную идиолектную языковую личность, воплощающую в себе верхи языковой культуры. Описание языковой личности через текст предполагает а) знание системно-структурного уровня организации языка, б) реконструкцию модели мира и тезауруса языковой личности, в) выявление ценностных координат личности, ее установок, мотивов [5]. Понимая всю сложность и многоплановость этой проблемы, обратимся лишь к одному, но достаточно наглядному аспекту – “именнику”, “ономастикону” Пушкина как знаку, позволяющему проникнуть в особенности его языковой личности. Обращение к такой теме определяется следующими соображениями:

Во-первых, отбор имен собственных для персонажей в художественном тексте почти всегда произволен (исключение составляют исторические и хроникально-документальные произведения, хотя и в них возможно существование вымышленных героев), то есть свидетельствует об определенных пристрастиях – языковых, несобственно языковых и неязыковых – автора.

Во-вторых, имя в художественном тексте, в силу антропоцентричности последнего, значимая деталь в создании художественного образа, который творится в целом тексте и составляет основное его содержание. Поэтому речевое воплощение художественного образа является текстообразующим фактором, лингвистическое изучение которого в настоящее время может стать одной из новых и чрезвычайно важных задач лингвистического анализа художественного произведения.

В-третьих, имя собственное выполняет не только функции номинативную, аппеллятивную, но и функцию социальной маркировки, отражает характерные для данного

времени нормы межличностных взаимоотношений, то есть выбор имени позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических, общекультурных групповых и индивидуально-специфических свойств языковой личности "номинатора", В-четвертых; в художественный текст, кроме собственно его ономастикона, входят и имена из других текстов, а также имена – знаки культурного "вертикального контекста", концептуализированные в истории мировой и/или национальной культуры либо в данном тексте, причем автор может использовать как "концепты-штампы", так и "видоизменяемые" концепты, вступающие в сложные отношения с привычно существующими в сознании массы носителей языка концептуальными представлениями о данных личностях

В-пятых, сам отбор, частотность использования тех или иных имен-концептов косвенно служит характеристикой тезаурусного фонда, находящегося в сознании автора. Под тезаурусом обычно понимают всю предшествующую информацию, существующую в памяти носителя языка. Сюда входят и личные переживания, и наследственные черты, и начитанность, и вообще любой эстетический опыт [6].

Текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности. В тексте реализуется антиномия системности/индивидуальности. Системность есть результат давления системы, жанра, литературного направления, всего историко-культурного контекста. Индивидуальность текста есть проявление языковой личности художника [7]. И в этом плане отбор онимов одновременно системен и индивидуален. Системен, поскольку в нем отражаются нормы и пристрастия, сложившиеся в данном языке, в его литературной практике, в данную эпоху. Индивидуален, поскольку автор сам творит вымышленный мир и номинирует его персонажей, применяет, а иногда и видоизменяет норму, сам выбирает, переосмысливает, а иногда и творит имена-концепты. Следовательно, оним позволяет увидеть как коллективные (полилектные) – общекультурные, национальные, связанные с эпохой, с особенностями социальной группы, к которой принадлежит автор, так и индивидуальные (идиолектные) свойства языковой личности. Если понимание первых необходимо при историко-культурном, литературоведческом анализе содержания текста, то интерпретация вторых – обязательный компонент лингвистического анализа художественного текста, бурно развивающейся области современного языкознания.

Обратимся рассмотрению тех употреблений онимов, которые, на наш взгляд, позволяют увидеть индивидуально-специфические свойства языковой личности А.С. Пушкина, и вследствие этого точнее понять глубинный смысл его текстов. Остановимся на некоторых особенностях выбора имен и/или их форм для вымышленных персонажей прозаических и сюжетных поэтических текстов Пушкина.

То, что именование персонажа для Пушкина всегда не случайно, подтверждают многочисленные пояснения к выбору имен, данные прямо в тексте произведения или в комментарии к нему (см. объяснения Пушкиным имен и форм номинации персонажей "Евгения Онегина" – Татьяна, "Медного всадника" – Евгений, "Графа Нулина" – Наталья Павловна, "Полтава" – Мария / Матрена). Уважение к древним именам не раз подчеркивалось поэтом: "Могучих предков правнук бедный, / Люблю встречать их имена! В двух–трех строках Карамзина". Причину упадка России Пушкин объясняет прежде всего незнанием своей истории, предков и, в частности, их имен: "ни одна фамилия не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить этому преграды", "Я без прискорбия не мог видеть уничтожения наших исторических родов, никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!" Подобные метаязыковые рассужде-

ния свидетельствуют о высокой степени осознания Пушкиным как языковой личностью информативной и тезаурусной роли имени

В произведениях эпических, прежде всего в "проективных" (И. Степанченко), "сюжетных", номинирование персонажей по литературным нормам конца XVIII – начала XIX века было необходимо (только век спустя станет возможным отсутствие имени персонажа в прозе – см., например, местоименные номинации персонажей многих рассказов И.А. Бунина). Классицистическая норма требовала "говорящих фамилий" прежде всего для отрицательных героев (иногда в сочетании с именем – Тарас Скотинин, Митрофанушка Простаков), но отчасти и для положительных персонажей (Правдин), хотя последние могли номинироваться и только именами (Софья, Милон). Герою же "чувствительному" или романтическому было достаточно одного имени ("бедная Лиза" у Карамзина, Светлана у Жуковского и др.). В 1820–1830-е годы складывается художественная норма именования персонажа по фамилии или сочетанием имени и фамилии, при этом название по отчеству, принятое в разговорной речи образованных кругов, обычно отсутствовало. То есть можно говорить об определенной системе "художественных" именовании, сформировавшейся в языковом сознании русских писателей начала XIX века. Пушкин, тонко чувствуя сложившиеся нормы, нередко видоизменяет их.

В произведениях А.С. Пушкина представлены все возможные в соответствии с тогдашними нормами разговорной речи способы именования человека: имя, фамилия, имя + фамилия, имя + отчество + фамилия, имя + отчество, отчество (только для представителей низших сословий). Однако такое разнообразие форм не относится к одному конкретному персонажу: обычно присутствует точный выбор одной-двух форм номинации героя, тогда как другие действующие лица того же текста могут иметь иные способы названия. Такая последовательность, несомненно, еще раз доказывает, что в языковом сознании великого поэта имя и его форма присутствовали как значимые единицы

Именные "романтические" номинации характерны для ранних его произведений – Руслан, Людмила, Земфира, Алеко и др. В поздних сюжетных стихотворных и прозаических текстах именные номинации обычно нагружены дополнительным смыслом. Так, герой повести "Арап Петра Великого" имеет только имя Ибрагим, фамилия же не указывается, однако само имя достаточно экзотично, "самодостаточно". Именная номинация героя в "Медном всаднике" (Евгений) явно призвана оттенить его негероичность ("маленький человек"): Мы будем нашего героя / Звать этим именем. Оно / Звучит приятно, с ним давно / Мое перо к тому же дружно / Прозванья нам его не нужно, / Хотя в минуши времена / Оно, быть может, и блистало / И под пером Карамзина / В родных преданьях прозвучало, / Но ныне светом и молвой / Оно забыто." ("Медный всадник").

Героиня "Пиковой дамы" постоянно авторски номинируется как Лизавета Ивановна (имя + отчество). Лишь однажды в авторской речи она названа Лизанькой, причем такая уменьшительная форма повторяет обращение к воспитаннице старой графини: "В это время вошла графиня, совсем одетая. "Прикажи, Лизанька, – сказала она, – карету закладывать, и поедем прогуляться". Лизанька встала из-за пьельцев и стала убирать свою работу". Думается, в этом случае имеет место скрытая авторская ирония по отношению к старой графине, которая, не задумываясь, не ощущая неловкости, избирает столь ласковую форму именования для "домашней мученицы", терзаемой ее капризами и придирками. Фамилия героини не называется, видимо, для того, чтобы подчеркнуть ее зависимое положение бедной безродной воспитанницы (большинство других героев произведения, даже появляющихся однократно, имеют фамилии, исключение составляет лишь старая графиня***, только раз названная в речи

персонажа – Томского – графиней Анной Федотовной, предположения о причинах такой номинации будут приведены ниже). В отношении имени героини (Лиза) возможен иронический подтекст, основанный на отсылке к известному тексту Карамзина (это касается особенно переключки финалов). Выбор же “сниженного” варианта имени (Лизавета), передает некоторую ироничность отношения автора к данному персонажу, служит; на наш взгляд, своеобразной перспективой итогов поисков “избавителя” “Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека, он где-то служит и имеет порядочное состояние: он сын бывшего управителя у старой графини У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница”

Регулярно в качестве краткого варианта встречается “фамильные” формы именований: Чарский (“Египетские ночи”), Германн, Томский, Чекалинский (“Пиковая дама”) Бурмин (“Метель”), Минский (“Станционный смотритель”) и др. (иных номинаций, кроме фамильных, у данных персонажей нет) В указанных выше случаях фамильная номинация избирается для тех, чей внутренний мир мало прописан (герои-функции Томский – светский повеса, Чекалинский – игрок, Минский – соблазнитель) или достаточно загадочен и противоречив (Германн, Чарский, Бурмин).

Разновидностью фамильной номинации является известный прием использования “говорящих” фамилий. Пушкин применяет его лишь в некоторых случаях: “толстый” Пустяков; “Гвоздин, хозяин превосходный, владелец нищих мужиков”; Скотинины, “чета седая”; “уездный франтик” Петушков; “брат двоюродный” Буянов; Флянов – “тяжелый сплетник, старый плут, обжора, взяточник и шут”, Зарецкий – “некогда буйан, картежной шайки атаман”, Проласов, “заслуживший известность низостью души...”. Подчеркивается “литературность” такого приема: Скотинины – явная отсылка к Фонвизину (в “Романе в письмах” отношение к мелкопоместным дворянам выражено в следующих словах: “Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!”), “мой брат двоюродный Буянов” – родственник по дядюшке Василию Львовичу Пушкину, который был литературным “отцом” Буянова, героя “Опасного соседа”, фамилия “Зарецкий” созвучна фамилии героя А.С. Грибоедова – Загорецкого.

Пушкин широко использует номинацию “имя + фамилия” (без отчества): Например, герои “Евгения Онегина”: Евгений Онегин, Владимир Ленский, Татьяна Ларина – причем отчество героини может быть “выведено” из текста (отец ее – Дмитрий Ларин), однако ни разу в тексте не называется. Пушкин очень точно чувствует особенности жанра и типа текста. Евгений *Петрович? *Алексеевич и т. п. Онегин – в языковом сознании Пушкина такое именование героя “романа в стихах” невозможно. “Роман в стихах” – это все-таки не просто роман. Можно предположить, что даже рифмо-ритмическая организация текста делала такую номинацию недопустимой. Кроме того, название по отчеству субъективно и объективно (в силу сложившихся речевых норм) воспринимается автором как сниженное, “не стихотворное”. Субъективно ощущаемая разница в номинации по имени или по имени и отчеству подчеркнута Пушкиным при выборе имени героини поэмы “Граф Нулин”: “К несчастью, героиня наша.../ (Ах! Я забыл ей имя дать./ Муж просто звал ее Наташа./ Но мы – мы будем называть/ Наталья Павловна)...” Такая номинация связана со слегка ироничным отношением автора к героине – женщине приземленной, достаточно обыкновенной, хотя и считающей себя романтической героиней (“Наталья Павловна совсем/ своей хозяйственной частью/ не занималась, затем,/ Что не в отеческом законе/ она воспитана была./ а в благородном пансионе/ У эмигрантки Фальбала”; “Наталья Павловна сначала/ Его (сентиментальный роман – Л.И.) внимательно читала./ Но скоро как-то развлеклась/ Перед окном возникшей дракой/ Козла с дворовою собакой/ И ею тихо занялась”).

В "Повестях Белкина" – произведениях, чей язык наиболее приближен к разговорной норме и герои которых подчеркнута обыкновенны, – доминирующая номинация героев-дворян – имя + отчество + фамилия (последняя может быть представлена отдельной буквой) В этих текстах возможно соединение нескольких форм номинации Марья Гавриловна Р** и Бурмин. ("Метель") – форма номинации каждого персонажа не изменятся. Однако чаще всего здесь присутствуют все возможные способы именования, и выбор того или иного из них определяется позицией называющего: романтический разбойник Дубровский в авторском тексте номинируется с помощью фамилии и/или имени, а в речи персонажей-крестьян он именуется формой "имя + отчество" (Пушкин дает точную характеристику статусно обусловленного речевого поведения говорящего)

Во многих произведениях автор прибегает к приему сокращенной номинации. В "Арапе Петра Великого" мы встречаем следующие "имена": графиня Д, маркиз R, Кирилла Петрович Т.; в "Романе в письмах" – К**, дипломат Ст., Елена Н., Граф П, Машенька***, генерал Г**, Елена***, в "Пиковой даме" – графиня***, княжна Полина***, в "Рославлеве" – княжна** и др.

Можно предположить, что существуют по крайней мере две вероятных причины этого

1 Пушкин не использует известные аристократические фамилии; чтобы не вызывать у читателя ненужных ассоциаций. Придумывать же фамилии знатных персонажей, видимо, автор не хочет, соблюдая историческую корректность. Интересно, что в "Романе в письмах", где одному из героев передается любимая пушкинская мысль о причинах упадка дворянства – "не знает имен своих героев", – не дано ни одной фамилии вымышленного лица. Очевидно, из чувства исторического такта не могут стоять в тексте рядом известные, хотя и, по Пушкину, забытые русские имена (Козьма Минич Сухорукий, окольный князь Дмитрий Михайлович Пожарский – именно так имя, отчество, фамилия) и вымышленные фамилии героев, представителей старой и новой аристократии. В противоположность этому большинство персонажей-мещан в "Гробовщике" номинируются по фамилии (купчиха Трюхина,) иногда с указанием имени (Адриан Прохоров, Готтлиб Шульц), а отставной сержант гвардии (первый мертвец, похороненный главным героем) имеет даже трехчленную номинацию – Петр Петрович Курилкин. Тот же способ называния используется для "средних" дворян – Берестовы, Муромские в "Барышне-крестьянке", Гриневы, Мироновы в "Капитанской дочке", Дубровские в повести "Дубровский" (все с именами и отчествами). Вымышленные номинации героев-аристократов, "старинных бар" единичны, при их создании используются либо словообразовательные особенности известных дворянских фамильных именований (например, от производящей базы – географического названия: Ржевские, Онегин, Томский, Ленский, Елецкая, Езерский – в последнем случае применена древнерусская огласовка, призванная подчеркнуть древность ныне захиревшего рода), либо созвучия с известными фамилиями-Троекуров, Верейский. Заслуживает особого внимания номинация героев "Пиковой дамы" – Томского и старой графини***. Если внук представлен по фамилии, а он сын сына старой графини ("...у ней было четверо сыновей, в том числе и мой отец", – говорит Томский), то скорее всего бабушка имеет ту же фамилию. Но Пушкин очень точно почувствовал, что при фамильной номинации исчезнет "прототипичность" и в то же время "обобщенность", "всеобщность" (осколок своего века) старой графини, тогда как для Томского, второстепенного персонажа, к тому же представителя иного поколения, – фамильная номинация будет вполне уместна.

2. Зашифровка фамилии – знак точки зрения автора (NN – "прекрасный человек" в "Евгении Онегине") или персонажа, от лица которого ведется повествование (такие

случаи особенно характерны для "Повестей Белкина") Например, рассказчик Иван Петрович Белкин сокращенно именует действующих лиц своего повествования – граф и графиня Б ("Выстрел") бедный сосед не осмеливается сообщить имя замешенных в не слишком приятную историю богатых соседей В этом плане интересно сочетание разных номинаций героев в одном произведении Например, в "Метели" не называются фамилии героини, ее родителей, первого жениха Семья героини скрыта под номинацией Р**, герой именуется просто Владимиром и лишь два раза Владимиром Николаевичем (первый раз в пародийно-романтическом контексте "Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно Дети! Придите в наши объятия", второй раз в несобственно прямой речи матери героини "мать могла понять только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича", что еще раз подтверждает предположение о неслучайности номинации "имя + отчество" в художественной прозе Пушкина) Таинственный же интересный Бурмин представлен "романтической" фамильной номинацией без имени Можно предположить, что здесь косвенно отражается точка зрения "источника" этого повествования историю якобы услышал Иван Петрович Белкин от уездной барышни, видимо, для нее героиня, ее семья, первый жених – знакомые, имена их, возможно из соображений деликатности, не могут быть названы и поэтому скрыты под сокращением или вовсе отсутствуют, тогда как "таинственный незнакомец" именуется без опасения раскрыть его секреты

Пушкин очень точно использовал возможности выражения с помощью имени "фактуального" (И Р Гальперин) и модально-концептуального подтекста Выбор самого имени, как и выбор его формы, обычно определен смысловыми возможностями, связанными с этимологией, социальной и историко-культурной окрашенностью, литературными ассоциациями Так, разные значения слова "благородный", этимологически объясняющего смысл имени "Евгений", сюжетно толкуются в "Евгении Онегине" и "Медном всаднике" Очень выразительно охарактеризованы стилистические и смысловые возможности имени *Татьяна*, ("Евгений Онегин") Как известно, в черновике героиня романа была названа *Натальей*, однако поэт остановился на имени *Татьяна*, объяснив, что с этим именем связано представление о старине, о народном просторечии Пушкин, давая своей героине это "звучное и приятное" имя, очевидно, хотел наряду с иноземной стихией в ее воспитании подчеркнуть коренную особенность личности – связанность с простонародным бытом ("русская душою"), с русским фольклором, с "мирной стариной", не уничтоженной в дворянской девушке ни "дурой английской породы", ни "своеравною мамзелью" Простонародный характер имени *Татьяна* подтверждается таким свидетельством журнала "Невский зритель" (1821, февраль) "Взгляните по крайней мере на Фекл, Татьян, переименованных в Дориды, Аглаи, Темиры, в Хариты, в Венеры" [8]

Известен и другой пример учета Пушкиным подтекстных возможностей имени Дочь Кочубея в действительности звали не Марией, а Матреной (о чем напоминает в комментариях сам автор) – в начале XVIII века имя Матрена было у дворянок в четверке самых частых имен Но через сто лет дворянки брезговали им, как грубым, оно стало простонародным И автор "Полтавы" пожертвовал подлинным именем, которое придавало образу нежелательную окраску (подробнее об этом [9])

Имя "Лиза" в языковом сознании русского человека начала XIX века прочно ассоциировалось с повестью Карамзина, с крестьянской девушкой, которая, однако же, "любить умела" Пушкин использует это имя с учетом сложившихся литературных ас-

социаций (в "Барышне-крестьянке", "Пиковой даме") ироническая переключка сюжетов и характеров очевидна

Ряд имен в языковой картине мира Пушкина приобретают дополнительные авторские смысловые приращения

Частотность "имени нежного" Мария (встречается в "Бахчисарайском фонтане", "Полтаве", "Метели", "Выстреле", "Дубровском", "Капитанской дочке", в наброске "Марья Шонинг"), безусловно, знак не только общекультурного языкового выбора, но и следствие особого авторского отношения к имени, ассоциативно связанного для Пушкина с лучшими женскими чертами (нет ни одной отрицательной характеристики у пушкинских Марий – все добры, верны, любящи)

Имя может стать "знаком судьбы" для героев Пушкина. Так, персонажам, носящим имя "Владимир" (Ленский, Дубровский, не названный по фамилии возлюбленный Марьи Гавриловны Р* из "Метели", герой "Романа в письмах"), суждено быть женихами, причем несчастными (своеобразное исключение составляет Владимир из неоконченного "Романа в письмах", чей план женитьбы остался незавершенным только из-за отсутствия продолжения текста, поэтому нет возможности судить о счастье или несчастье его жениховской доли). Представляется, что субъективно Пушкин чувствовал определенную связь между именем и судьбой человека, по крайней мере, выбирая имя персонажа, он иногда подтекстно указывал читателю на особенности его личности и намекал на будущую сюжетную судьбу.

Рассмотренные примеры номинаций относятся к героям – дворянам и к тем, кого позднее назовут разночинцами, тогда как в отношении крестьян существовали совершенно иные нормы именования, которые учитывал Пушкин, допуская необходимые авторские видоизменения.

В языковом сознании образованных носителей русского языка XIX века присутствовал список имен, воспринимаемых как простонародные, в них словно бы образно воплотилась тяжелая и грубая российская действительность. Поэтому нередко образованные (или желающие таковыми казаться) дворяне начинали изменение деревенского быта с переименования своих дворовых (см. приведенную цитату из "Невского зрителя", 1821) Героиня романа "Евгений Онегин" Ларина-мать – из таких чувствительных реформаторов "Звала Полиною Прасковью" – это важная составляющая ее девических попыток создать идеальный мир. Пушкин находит очень точную "номинационную" характеристику отказа Лариной от мечтаний юности. "...стала звать/ Акулькой прежнюю Селину". Знаменательно снижение от полной формы имени "Прасковья" к уменьшительно-пренебрежительной "Акулька". Вообще Пушкин очень ярко показывает социальный статус героев при помощи уменьшительно-ласкательных/ презрительных суффиксов кучер Андрюшка, денщик Кузька, девка Палашка и др. ("Евгений Онегин", "Выстрел", "Капитанская дочка" и т.д.) Номинация крестьянина полным именем – это уже знак достигнутого им определенного положения. Анисья – ключница ("Евгений Онегин"), Антон – старый, заслуженный кучер, Архип – кузнец ("Дубровский").

Особенно значимым становится вариант номинации крестьян по отчеству. У няни Татьяны Лариной нет имени, она предстает перед читателем как "Филиппевна седая", но в этом именовании звучит нежная любовь к старушке, выходявшей обеих сестер Лариных (та же форма номинации дядька Савельич в "Капитанской дочке", няня Егоровна в "Дубровском"). Характерно, что в стихотворении 1833 года "Свят Иван, как пить мы станем.." в поминальном списке, состоящем из "трех Матрен, Луки, Петра" (именные номинации), особо выделена Пахомовна – сказочница. "Мастерица ведь была/ И откуда /, А куды разумны шутки./ Приговорки, прибаутки./ Небылицы, былины/ Православной старины!" Можно предположить, что именование по отче-

ству субъективно связано для Пушкина с особым типом простого русского человека – мудрого, художественно одаренного (вспомним точно найденные Савельичем пословичные характеристики житейских ситуаций), причем все именованные таким образом персонажи имеют отношение к детству (няни, крепостной дядька, сказочница). Форма именования по отчеству явно несет на себе отпечаток субъективной авторской оценки и индивидуальнo-авторских смысловых приращений

Итак, нестандартность языковой личности Пушкина проявляется, в частности, в обостренном восприятии различий форм именования, в способности увидеть смысловые возможности имен и отдельных их форм. Автор опирается на нормы литературной номинации, но расширяет их за счет включения форм обиходно-бытового именования. Кроме того, Пушкин творит свою систему скрытых значений форм именования, что позволяет передать мысли автора о своих героях, указать на отношения персонажей между собой, представить скрытую фактуальную и модально-концептуальную информацию, что является одним из многих средств создания "многого в малом" – простых по форме и неисчерпаемых по смыслу текстов, которые дают простор для интерпретации разным поколениям читателей.

Примечания

- 1 Степанов Ю С В трехмерном пространстве языка, М 1985
- 2 Тураева З Я Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания 1994 № 3 С 105
- 3 Караулов Ю Н Предисловие Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность М, 1989 С 5
- 4 Нерознак В П Лингвистическая персоналогия к определению статуса дисциплины // Язык Поэтика Перевод Сб науч тр М, 1996 С 113–114
- 5 Караулов Ю Н Русский язык и языковая личность М, 1987 С 38, 48–58
- 6 Арнольд И В Стилистика декодирования Л, 1974 С 16
- 7 Тураева З Я Указ соч С 106
- 8 Ефимов А И Стилистика художественного текста М, 1957 С 303–304
- 9 Никонен В А Имя и общество М, 1974 С 235

М.С. Максименко

ФАМИЛИИ-ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ЭПИГРАММАХ ПУШКИНА

В своих произведениях Александр Сергеевич Пушкин не часто прибегал к словообразованию, суть его творческого метода была, скорее, в активизации существующего лексического запаса, пополнении русского языка уместными заимствованиями. К словотворчеству Пушкин относился скептически, иронизируя по поводу своих собратьев по перу. В «Оде его сият гр Дм. Ив. Хвостову» поэт явно насмехается над сращением Кюхельбекера – «резвоскачет», иронически заменяет слово горячка на «недуг быстропарный». Однако существует жанр, в котором Пушкин, согласно установившейся традиции, не чуждался словотворчества. Этот жанр – эпиграмма

Эпиграммы А.С.Пушкина зачастую насыщены "каламбурными фамилиями" (Сви-стов, Дундук, Безглагольник, Графов, Хлыстов, Кочерговский). Фамилии эти поэт использовал в качестве дополнительного сатирического средства, что позволяло одновременно указать на персонажа эпиграммы (прямо не называя его фамилии) и дать ему ироническую характеристику. «Каламбурные фамилии» с лингвистической точки зрения воспринимаются как окказионализмы (о понятии «окказионализм» [«авторский неологизм»] [1]. При использовании фамилии-окказионализма неизбежно "выявляется скрытая в слове, фамилии сатирическая двуплаговость. Когда эта работа по раскрытию многозначности звучащей фамилии завершена, то по-новому освещается и

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

*200 лет со дня рождения
А.С.ПУШКИНА*

**ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКАЯ ЭПОХА.
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК)**

Сборник научных статей

Краснодар 1999